

Российская Академия Наук

Комиссия по социальным и
культурным проблемам
глобализации
Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

ИНТЕЛРОС. Специальный выпуск. 2017

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. КРИЗИС БУДУЩЕГО

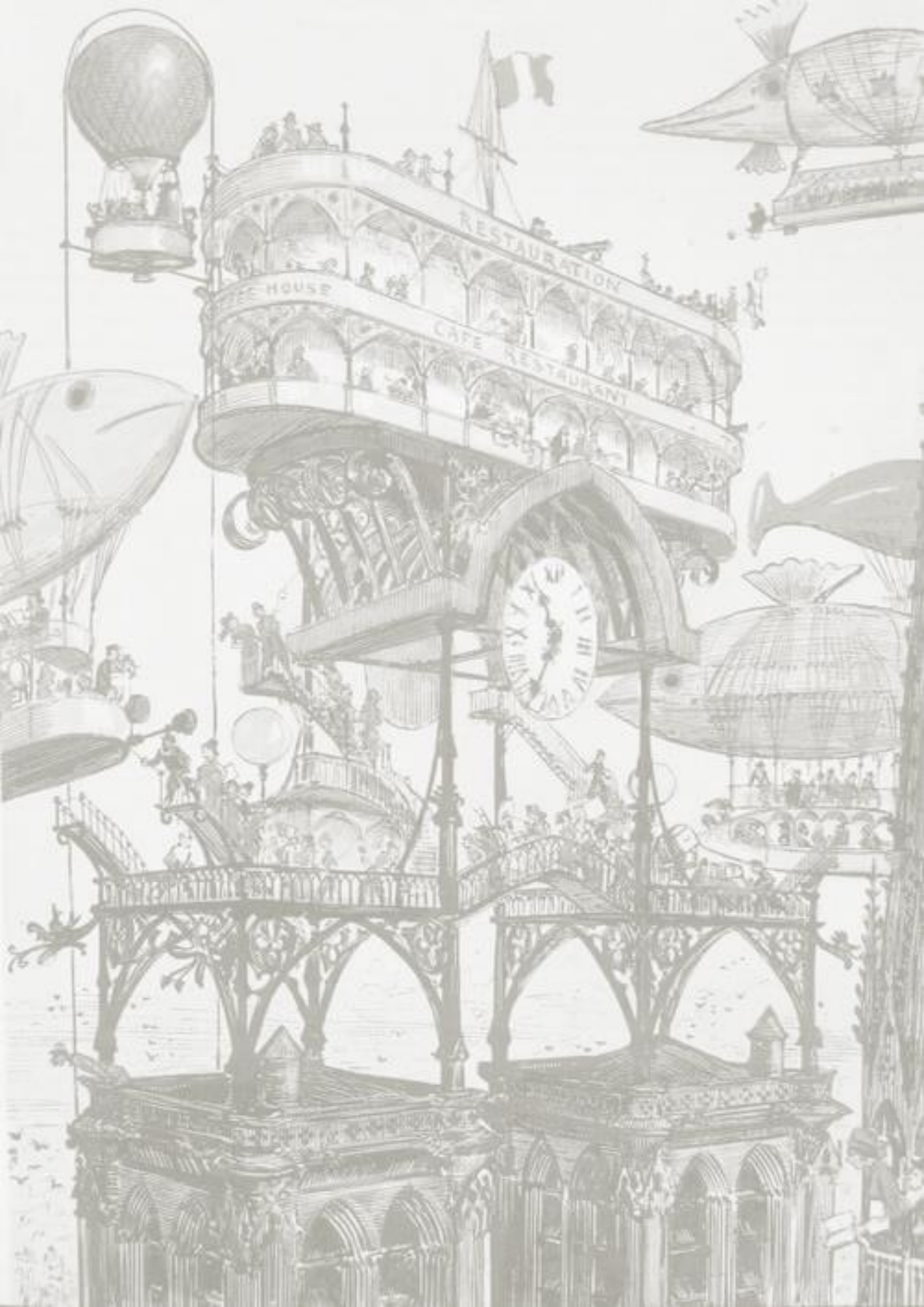

XXVII Экономический форум
5-7 сентября 2017
Крыница-Здруй, Польша
Special Issue for the XXVII
International Economic Forum
Krynica-Zdroj, Poland
5-7 September 2017

Проект «Созидание
будущего» (COF-Project)

ИНТЕЛРОС –
Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2017

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Специальный выпуск

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации

Александр Неклесса
Кризис будущего

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия
МОСКВА 2017

Александр Неклесса. Кризис будущего. – ИНТЕЛПРОС. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Специальный выпуск для XXVII Международного экономического форума в г. Крыница-Здруй, Польша / Отв. ред. Д.А. Андреев. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2017. – с.24.

Научное издание

Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН издаются в печатном и электронном виде в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой совместно с Группой «Север-Юг» и Центром цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН при поддержке экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделения общественных наук и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Издание носит некоммерческий характер. Бюллетень распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинальная работа процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена ссылка на публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии. Отдельные материалы, воспроизводимые в бюллетене и защищенные иным образом, могут потребовать дополнительного согласования с владельцами авторских прав.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002).

Свидетельство о регистрации СМИ Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303 от 14.09.2004.

Бюллетень издается в печатном и электронном виде, содержание которых может не совпадать.

Электронная версия бюллетеня представлена на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия <http://intelros.ru/>

Кризис истории (The Crises of Future) © Александр Неклесса, 2017

Оформление © ИНТЕЛПРОС, 2017

Фотографии на обложке © Елизавета Неклесса, 2014

Project: Europe. A Recipe for the Coming Decades

Panel: "On the Crossroads. How Much Sovereignty, What Kind of Democracy, Which Model of Development?"

Report: Alexander Neklessa. "The Crisis of Future"

КРИЗИС БУДУЩЕГО

Трансформация мироустройства, российский транзит, восточно-европейская реконструкция¹

Мироустройство, сложившееся в эпоху Модернити, существенно меняется.

Глобализация – это не только новая пространственная логика цивилизации, но также универсальный исход из прежней драматургии жизни и перемен. Борьба идет не за географические территории, но за новые земли истории, за дополненную будущим и умноженную высокотехнологичной мускулатурой реальность, где актуальность конкурирует с современностью. Трансформируется сеть мировых центров и коммуникаций, мутируют системы глобального и национального управления, перераспределяются и делегируются суверенитеты. Расширяется номенклатура влиятельных политорганизмов, возникают экзотичные, слабосвязанные с прошлым акторы, объекты и стратегии. Появляются приметы обширной и глубокой реконструкции политикума, проявляется результативная субъектность играющих по своим правилам слабо-формализованных персонажей.

Подвижный миропорядок: нестационарная система мировых связей

Современное государство начинает походить на старый, почтенный корабль, который <...> оборудовали мощными двигателями, не соответствующими прочности корпуса, и отправили в дальнее плавание. Двигатели эти на полном ходу разносят старую посудину на куски.

Герберт Уэллс

История переживает кризис, и это эпохальный переворот. Монотонная сила социальной инерции корректируется революцией как устремленностью к реставрации идеала. Доминанта интереса смещается сегодня от каталогизации событий к постижению рецептуры универсального транзита. Мы наблюдаем пришествие личностно-ориентированного общества, сочетающего мысль и действие, эффективных

¹ Кризис будущего © Александр Неклесса, 2017 (The Crises of Future © Alexander Neklessa, 2017). Статья является версией доклада.

управленцев и плодотворных креаторов в диалектические молекулы, трансформирующие современность, преосуществляя свое видение будущего. Как результат происходит умножение инновационных предприятий, возводимых поверх прежних барьеров.

Виртуальная коммуникация, транспортная оперативность, глобальная логистика отменяют пространственные разграничения. В корпорациях различной размерности работают специалисты, находящиеся подчас на разных континентах. Представители различных стран, этносов и рас совместно трудятся на благо или во зло в рассредоточенных по планете предприятиях, организациях, исследовательских и иных центрах. Складываются трансграничные деятельные сообщества, конструктивные и деструктивные, реализующие избранные по тем или иным мотивам маршруты перемен.

Проактивная личность, динамичные частные и партнерские институты приходят на смену скованному формальными регламентами Левиафану. Авторитарные структуры управления, равно как практика государственного политического строя проигрывают историческое соревнование с корпоративными инсталляциями, инструментально аранжированными сообществами активных и мотивированных индивидов (ср. «civil Body Politick»).

Концепты и конструкторы современности подвергаются эрозии. Социальные синкопы все чаще иницируются антропологически (конфессионально-психологически) и обосновываются культурологически, нежели мотивируются идеологически или юридически и постулируются политически. Точнее, образуют асимметричный симбиоз. Управление фокусируется на процессах и коммуникациях, а не ситуациях и территориях, на тенденциях, а не фактах и отделяется от этатистской лояльности, которая может порой расцениваться как обременение. Дальнейшие действия, бифуркации, случайности, версии «новых отношений с метафизическим порядком» (Вацлав Гавел) проявляют скрытый до поры потенциал в подвижной среде взаимодействующей и расширяющейся Ойкумены.

Система, сложившаяся в ходе универсального транзита – демократизации, деколонизации, десегрегации и эмансипации, постепенно проявляет себя как антитеза регламентам Модернити. Очевидные процессы массовизации и глобализации сопровождаются интенсивной, хотя до поры не столь приметной индивидуацией и неотрайбализацией мира. Будущее – личностно и корпоративно ориентировано, сочетая темную энергетику популизма с предприимчивым индивидуализмом. Сопрягая усилие и насилие, оно воплощает модели сборки иначе организуемых общежитий.

В интернациональном космосе протекают процессы как институциональной перестройки, так и самоорганизации. Наряду с национальной государственностью появляются, сосуществуют и состязаются иные форматы политической организации: межгосударственные и надгосударственные структуры: мировые регулирующие органы, страны-системы как федерации и конфедерации, асимметричные союзы и полифоничные содружества. К ним примыкают квазисуверенные государства, различного рода субсидиарные автономии и сепаратистские образования, государства-корпорации и корпорации-государства, по-своему трансформирующие национальный и профанирующие гражданский суверенитеты. Возникают пластичные государства-организации и симбиотические ассоциации с подвижными границами; геоэкономические и геокультурные интегрии. виртуальные венчурные сообщества, конструктивные и деструктивные. Те, в свою очередь, обзаводятся распределенным множеством терминалов в различных средах, антропологическими и дигитальными

сетями и юрисдикциями, образуя власть вне государственности: динамичные архипелаги, конституирующие *de facto* новый тип политорганизмов, обновляющие систему и топологию мировых связей.²

Антропологическая вселенная и бунт элит

We <...> covenant and combine ourselves together
into a civil Body Politick, for our better Ordering and Preservation...
Mayflower Compact

История исходит от людей, реализуясь цепочками поколений. Преодолевая инволюции, рекуррентности, распад, она сочетает в деятельных метаморфозах таланты созидания, этику снисхождения, мастерство гармонии.

Проникновение в будущее, освоение незаселенного до времени диахронного континента – это встреча с иным, познание неопознанного, признание новизны и удержание обретаемых открытий. Это также проблема культурная и кадровая, разрешение которой предполагает в числе прочего отказ от привычных согласий и обобщений, признанных сценариев, нивелирующих инакость, уникальность и разночтения. Мир, устремленный было к планетарному универсализму, вбирая конфликты, сбои и артефакты, усложняется, производя трансдисциплинарное знание и феноменологическое разнообразие. Личностные архетипы и социальные доминанты, сменив либо мультиплицировав обличья, умножают прикладные свойства и возможности оригиналов.

Обилие средств физической и виртуальной коммуникации, скорость интеракций, их ценовая доступность, потенциальный факториал связей, растворяют земное пространство. Многофакторность подвижного социума, пронизанного универсальной коммуникацией, мультипликация осознаваемых с различной мерой полноты виртуальных/физических событий, преображают картографию реальности, разрушая логоцентричную конструкцию когнитивных координат. А многолюдье индустриальной коллективизации девальвирует административно-политические разграничения, замещая их глобальной деятельной средой, антропотоками, сливающимися в сумму полифоничных взаимодействий, угрожая также властью корпораций, какофонией неоварваризации, культурным уплощением и опошлением; лишь тонкая, непрерывно атакуемая линия отделяет современную цивилизацию от освоения этих зыбких земель и усвоения непростых гармоник. Мифологизация бытия, возрождая его символическое прочтение, продуцирует внерациональные побуждения, предвещая пришествие постсекулярного мира.

Современный мир драматизируется. Мы наблюдаем, наверное, апогей массового общества: его подвижную манифестацию, способную к реализации экстримов, трансграничной, интернациональной диффузии, синтезу и дроблению. И одновременно являемся свидетелями впечатляющего развития самоорганизующейся среды: гибкого интерфейса национальных координат с распределенным множеством организаций, кланов, индивидов с условным соблюдением социальных контрактов и все более

² Динамика международных связей напоминает развитие информационной среды: появление вслед за газетами инновационных средств информации: радио, телевидения, умножение субъектов организованных информационных потоков, официальных и неофициальных. И, наконец, институализация мирового информационно-коммуникационного пула – интернета и его разновидностей, превративших информационную среду в глобальную, полисубъектную, подвижную, перманентно развивающуюся систему.

произвольной мотивацией не без привкуса игровых побуждений, ажитированной самоактуализации, элементов фрустрации, эскапизма и симптомов культуры смерти. В распаханном мире массы, сохраняя склонность к профанации, коллективизму, отрицанию инакости, трансгрессируют привычный статус, опровергая на этот раз не сословное мироустройство, но характерные черты самого массового общества, его объектность и функциональность. Критерий и ресурс перехода – вирусное распространение инстинкта самореализации. Превращаясь в сплетение деятельных индивидов и сообществ, человечество беременно генерацией странных талантов, пассионарных индивидов, неформальных институтов, порождая множественные всплески активности, стимулируя обширную, общую дестабилизацию.

Прежние форматы взыскания утопий, практики фанатизма, вражды и войны сливаются в синектрии разрушительных усилий, гибридных инициатив, различным образом опровергающих обстоятельства, открывая новые измерения для человеческой свободы, равно как и произвола, угнетения. Угроза вселенской нестабильности инициирует поиск методологии ориентации и действия в условиях неопределенности, алгоритмов управления событиями, находящимися во взрывном взаимодействии при видимом отсутствии внятных побудительных причин. Социальные процессы сопряжены с развитием технических и гуманитарных технологий двойного назначения, разработка которых все чаще мотивируется, а применение адаптируется не столько пытливостью создателей, сколько конгломератами анонимных потребителей.

Главный аргумент парадоксальной и тревожной «весны человечества»: глобальное массовое общество – это миллиарды людей, получивших доступ к эффективным инструментам, созданным современной цивилизацией, конструктивным и деструктивным, включая высокотехнологичные. И потому – влиятельных.

Параллельно разворачивается революция элит: пришествие общества, претворяющего футуристический энтузиазм в деятельные молекулы управленцев и креаторов, провоцируя коэволюционную диалектику межвидового конфликта. Персонализация среды, насыщаемой энергетикой амбиций, рождает комплексные коммуникации и коалиционные предприятия, возводимые и обустройстваемые поверх прежних барьеров. Человеческие качества оказываются востребованным, энергично разрабатываемым ресурсом. Камертон новой повестки: сложный человек в сложном мире, играющий по своим правилам и оперативно реагирующий на многообразие перспектив, испытывая каскад искушений и преодолевая моральные вызовы. На наших глазах происходит становление мозаичной вселенной с распределенным множеством коллизий, иллюзий и ситуаций, часть которых оказываются доминантными, определяя развитие событий, т.е. будущее всей ойкумены.

Сложный мир – пространство умножающихся возможностей, коллективных, мультиплицированных эффектов, производимых, выявляемых и суммируемых образов и смыслов, синкретичных, гетерархичных предприятий. Это кризис катафатической культуры, следствие ее технологизации, рационально-юридического представления истории и ветвящийся футуристический исход к новым обетованиям. Время не пролонгируется, но, обретая объемность, оркеструется и синкопируется. Люди в растущей численности и многоголосом разноречии, чреватом разладом и какофонией, пытаются перестроить – каждый на свой лад и способами по собственному усмотрению – не слишком благоприятные или не соответствующие их мировидению условия бытия. Результативность точечных воздействий в нелинейной среде заметно выше, равно как и

уровень рисков, при этом точность оказывается важнее мощности, что существенно увеличивает число агентов перемен.

Будущее опровергает и стерилизует прошлое. Деграция прежнего миропорядка, его последовательное отрицание (наряду с возникающими депрессиями неорхаизации – шелухой и осколками несостоявшихся миров) сопровождается организацией и самоорганизацией динамичных ассоциаций, проектирующих и созидających будущее: трансграничных антреприз: слабо-формализованных сообществ-предприятий, совмещенных с дигитальными интерфейсами (гибридные AGI-кластеры). Приоритет над обезличенными институтами и формальными конструкциями получает асимметрично распределенная по территориям сумма инициативных персонажей, демонстрирующих проактивность, преадаптацию и динамику эволюции. Иное реализует себя, делая ставку на творческую предприимчивость, технологическую и правовую новизну плюс нелинейный, дополненный образ ойкумены (интеграция как способ преодоления ограничений). Комплексный формат новой властной и культурной доминанты обретает универсальный характер, происходит активное выявление и вовлечение в водоворот событий оригинальных искусств и талантов, а подвижный социальный и политический консенсус определяется каждый раз актуальной совокупностью резонирующих событий.

Рекомбинация акцентов и критериев практики, изобилие частных регламентов способны изменить – и уже меняют – облик и содержание цивилизации, ее формат, маршруты, перечни возможностей, рисков и угроз. Система диахронных координат, социокультурная гравитация, влияние источников перемен, «формирование течений» (Эммануэль Макрон) замещают привычный дипломатический и социальный протокол, административный десигнат и пространственную доминанту политгеографии, обнажая динамическую суть неравновесного мирового порядка. Удержание равновесия в пульсирующей среде представляется все более сомнительным: планетарная конструкция напоминает перегретый котел, приподняв крышку которого, видишь мир, приближающийся к турбулентности.

Рождение нации

Европа создана историей, Америка - философией.

Маргарет Тэтчер

Искусство истории – осмысление былого ради связи времен и постижения будущего, его активного представления и коррекции.

После стремительного зигзага российской судьбы – очередного рассыпания империи, генеральная задача Российской Федерации – формирование нации и государства как суверенного сообщества и влиятельного субъекта в меняющемся мире. А главная интеллектуальная криптограмма – определение принципов, форм, траекторий непростой трансформации, включая методологию управления, иерархию целей, путей их достижения, поиск интегральной идентичности, способной заместить утраченную, объединив населяющие страну народы.

Несмотря на своеобразие каждого национального транзита, набор накопленных историей и доступных для осмысления сюжетов постимперского / постколониального обустройства достаточно внятен. Деколонизация заморских земель, сливающаяся с деимперизацией сухопутно сопряженных территорий, порождает схожие процессы и

аналогичные ситуации. В анналах Нового времени имеется и опыт строительства государственности практически с чистого листа: создание систем прямого или косвенного дистанционного управления в колонизированных землях, затем более-менее последовательная институализация местного самоуправления и, наконец, – обретение ограниченного либо полного суверенитета, как правило, в непростых обстоятельствах. К примеру, на просторах Северной Америки, руководствуясь конфессиональным мировидением, философскими концептами, политическими конструктами вкупе с собственным пониманием общественных интересов, достоинством личности, предприимчивым темпераментом и здравым смыслом. Наверное, в данном разделе трансимперской практики уместно вспомнить также опыт европейски ориентированных доминионов и латиноамериканские перипетии.

Или иные версии национального обустройства – в чем-то релевантные России судьбы народов, населявших континентальные, т.е. территориально-сопряженные агломерации ушедших в небытие Австро-Венгерской и Османской империй. Либо послевоенную суверенизацию и обустройство заморских колонизированных земель: трансформацию океанических империй, перестроивших со временем отношения метрополий с постколониальными нациями в геоэкономические и геокультурные союзы. Примечателен генезис Британского Содружества, ныне Содружества наций, объединившего более полусотни стран, включая субъектов с иным, нежели британский, опытом колонизации.

Токи веерной суверенизации ощутимы в турбулентностях извне и внутри подвижных российских границ. Страна в формате Российской Федерации – наследница основной части территориального, исторического и юридического имущества как правопреемница России-СССР и как бывшая метрополия Российской империи (точнее, реколонизированная сумма ее преимущественных и части комплементарных пространств). Иначе говоря, Россия-РФ – это государственность с богатым историческим опытом, познающая себя в изменившемся международном статусе, ином внутреннем содержании и новой геометрии границ.

Между тем образы прошлого величия вместе с впечатляющими географическими размерами могут оказать России медвежью услугу. Культивация прошлого – сложное искусство. Его очарование, продлевая постимперский синдром, способно спровоцировать кризис и утрату будущего: возвращение в геополитическую сумятицу и сословно-иерархичный лабиринт, навлекая на страну помрачение. Атмосфера реакции, боязнь перемен, восприятие статичности как стабильности негативно отражаются на настоящем, стимулируя замещение подлинности – симулякрами, внутренних неурядиц – образами внешних угроз, а созидание будущего – охранительным эскапизмом, риторическим утопизмом, авантюрной событийностью. И как следствие, ведут к утрате милостей провидения, оскоплению футур-истории.

Проблемы, если не разрешаются – накапливаются, образуя новые ситуации. Конфликт с подлинностью и угасание импульсов обновления в подвижной глобальной среде чреваты коллапсом управления. Мечты о прошлом, вытесняя актуальность и затмевая реальное состояние, нарушают восприятие социальных, экономических, технологических показателей, позиций в мировых рейтингах, прочих признаков благополучия. Симптомы болезненного статуса проявляются в доминировании тактики над стратегией, риторики над практикой, декларативности, лицедействе, «потемкинщине», т.е. выстраивании искусственной реальности по произвольным лекалам с последующим ее обналичиванием. Результат – снижение моральной,

интеллектуальной, культурной резистенции, эфемерность обязательств, расхождение с духом и прописями национального регламента – конституции, симуляция федерализма, инволюция судебной власти, театрализация партийности, экспроприация выборов и аномизация гражданина.

В подобных условиях непросто «отрешаться от вчерашнего» (Малевич), чтобы мыслить, создавать и осваивать грядущее. Мельчая и погружаясь в суету дурной бесконечности, общество рискует оказаться на пепелище, где течение времени лишено будущего, а «история прекращает течение свое» (Салтыков-Щедрин).

«Звёзды в ночи»

À la recherche du future perdu

Субъект мыслит будущее и мыслит его сюжетно, претворяя замыслы в реальность, а наличное и обретаемое знание – в технические достижения, организационные действия, властные преимущества. Мир в последние годы стремительно усложнялся, так что требовалось либо его упростить, либо управлять по-новому.

Компетенция политической элиты – агентов и лидеров перемен – определяется классом решаемых задач, горизонтом планирования и подтверждается значимостью результата. Состояние народного духа проявляется в качестве национальной элиты, которая возвращает кредит доверия сообразно чувству собственного достоинства нации. Категория *элита*, впрочем, не слишком удобный для анализа инструмент из-за неопределенности и двусмысленности термина. Его содержание, требует, как правило, расшифровки: о какой именно группе идет речь – профессиональной, альтиметрической, аксиологической и т.п. В сфере политики словом «элита» привычно обозначают достаточно различные страты: правящий слой, политический класс, умелых профессионалов-управленцев, инициаторов и субъектов властных инициатив...

Сложность проблем предполагает апгрейд компетенций. Проблема предела компетенций правящего слоя в различных политических системах решается различным образом: варьируется состав элиты, вливается «свежая кровь», усложняются представления о реальности. Либо принимаются меры по ее упрощению. Отсутствие разнообразия, однако, сокращает шансы на развитие: при подавлении разномыслия возможности сокращаются, а дефекты накапливаются. Особо уязвимы ригидные организмы в кризисных обстоятельствах. В период неурядиц, когда растет градус противоречий, отсутствие политически отлаженной дискурсивной инфраструктуры проявляется в разделениях, отрицающих синергию групповых интересов, дефиците позитивных стратегических альтернатив. Другими словами, отсутствие институализированной оппозиции при перемене участи предопределяет острый дефицит отрефлексированных сценариев и механизмов их воплощения. Результат социальной депривации – эволюционный тупик: ускоренная деградация и неподвластная контролю хаотизация.

Летопись европейских элит знает разные форматы управления: вассалитет, ориентированной на сюзерена, монетизированный «старый режим», коммунальная демократия, универсальная церковная иерархия, процедурно-унифицированная эмиссия университетской корпорации и т.д. Современность опрокидывает сословную архитектуру, утверждая институт гражданской знатности и представительной демократии, суверенитет нации и вассалитет операторов власти (т.е. государство – подотчетный обществу механизм), обеспечивая легитимность, динамизм и

устойчивость системой сдержек и противовесов: разделением властей, участием оппозиции в принятии решений, публичной конкуренцией (т.е. зависимостью от общественного разномыслия), правом на информацию. Параллельно этатизм XX века продвигал свою пропись власти – склонного к авторитаризму/тоталитаризму государства-контролера с его партократичной инженерией... И подобно тому, как сегодня геоэкономическая стратификация шаг за шагом девальвирует государственные разграничения, утяжеляя геополитические обременения, геокультурная гравитация, *аттракция*, намечает картографию динамичного мироустройства, очертания которого предопределяются констелляциями звездных персонажей (геоантропология).

Обострившийся интерес к проблематике элит, попытки взглянуть в образ вероятного, а не только желаемого будущего косвенным образом выдают обеспокоенность ситуацией, однако реальное обсуждение подменяется специфическим субститутом – дезинформирующей риторикой и деформирующей пропагандой. Политическая механика России, декларируя «властную вертикаль», напоминает экстенсивные практики *ancien régime*, демонстрируя сегментизацию и приватизацию управления, т.е. олигархическую экспансию, но не деятельное разнообразие. Деградация государственных и анемия квазипартийных структур, вытеснение публичной политики ее аппаратным субститутам, отсутствие гражданского контроля и полноценной оппозиции сводят архитектуру власти к противоборству конъюнктурных коалиций внутри касты ее держателей/операторов. И параллельно – к маргинальной рассеянности контробщества, внося смысловую дисгармонию, девальвируя профессионализм политического класса, снижая, в конечном счете, состоятельность и конкурентоспособность национальной корпорации.

Оперативно-тактическое планирование, рефлекторные акции отрицают стратегию. Равно как вытесняют ее силовое охранительство, стигматизация внутренних врагов («иностранных агентов»), практика экспорта проблем вовне – все это симптомы «ментальности отрицания», т.е. уклонения от реальности. Качество политической элиты демонстрируют принимаемые ею стратегические решения. Нынешний кризис правящего слоя – следствие его стратегического поражения, свидетельством чему стала сумма последовательных запусков и провалов «больших проектов» 2012-2017 гг. со схожей результативностью: майских указов, планов развития Дальнего Востока, компенсаторного прожекта Новороссии, сирийской «южнопотоковой» венчурности. Характерен казус с продвижением в качестве общенационального проекта (с отложенными негативными следствиями) сочинской Олимпиады. А образу будущего противопоставлена ретроспекция тысячелетней российской истории. Если же продолжить географическую логику политической экстраверсии, неосвоенным остается лишь северный маршрут, однако игры в Арктику вряд ли смогут принести желаемые дивиденды.

Моральный кризис острее и важнее политического: стратегическая растерянность во многом следствие личностной коррупции. Аморализм и утрата эмпатии чреваты вирусной криминализацией и умножением девиантов, Властное устройство и социальная инфраструктура при этом архаизируются: происходит дисквалификация кодов современности, деградация правовой среды, распространяется политический инфантилизм. Невежество узурпаторов вкупе с аморфностью и анемичностью общества проявляется в отрицательной кадровой селекции, кланово-корпоративной организации власти – комплексе вассальных иерархий, конфликтующих по горизонтали и демонстрирующих подчинение по вертикали.

Основные формы включения в состав властных групп: кооптация и наследование. В данной среде претендент должен демонстрировать преданность и моральный релятивизм (ср. тему «капитализма без морали») либо обладать родственными связями – качества, препятствующие производству общественного блага, девальвируя собственные социальные инстинкты, извращая интеллект и уничижая дух, обесмысливая критический анализ, подрывая правовую доминанту, разрушая систему фильтров и противовесов, дезорганизуя принятие социально значимых решений.

Внесистемные же субъекты политической активности, не являясь ни властной, т.е. присутствующей в государственных органах оппозицией, ни лидерами влиятельного гражданского общества, ввиду фактического отсутствия оно, представляют эклектичную, идейно не сфокусированную совокупность протестных интенций и связей, консолидирующуюся *ad hoc*, конъюнктурно аккумулируя представителей разных, в том числе конфликтующих групп. В нынешней России это сегменты региональной и внесистемной элиты, собственники развиваемых за счет личного ресурса предприятий, носители ценностей городской культуры, представители креативного класса, члены социально и национально ущемленных групп, слабо-контролируемые и неоархаичные пассионарии, моральная оппозиция и т.д.

Предъявление членами правящего слоя качеств, необходимых для позитивного изменения ситуации, т.е. мастерства в организации перемен вкупе с интеллектуальным, культурным и моральным превосходством, оказывается все более проблематичным. Диалектика инволюции профессиональных сообществ, институциональная деградация, эклектика элитных композиций, отсутствие влиятельной оппозиции, сложившегося гражданского общества и независимой печати как его инструментов и резонаторов, наконец, общее антропологическое обмеление российского социума, обескровленного внешней/внутренней эмиграцией, личностной коррупцией и «гибелью всерьез», повышают вероятность обрушения будущего аналогично ситуациям, описанным и проанализированным Эрихом Фроммом в «Анатомии человеческой деструктивности».

Элитный коллапс – полярная ночь духа: глубокое помрачение, чреватое этической депривацией и растерянностью разума. Его следствия – утрата общественных ориентиров, политическая ажитация, волюнтаризм власти и «унылое смирение» нации. Все это критические знаки неблагополучия. Предельной альтернативой иллюзиям географического эскапизма оказывается *немезис*: статус обанкротившейся «владычицы морской» – воронка хтонического «лебединого озера» истории как следствие катастрофы, субъективно отрицавшей крах.

Смотреть в будущее

Sapiens Dominabitur Astris

Сложно прогнозировать будущее в эпоху перемен. Рынок его версий, формируя траектории продвижения, оперирует расчетами и суждениями, основанными на переосмыслении опыта, т.е. прошлого, обстоятельства же прохождения маршрутов шире расчетов и ожиданий.

Будущее не будет таким, каким его представляют, но мы способны опознавать и культивировать семена тенденций, прорастающие в настоящем. Производство будущего предполагает выраженную субъектность, критичность к прошлым уставам, дистанцию от конъюнктурных обстоятельств, устремленность к более совершенному порядку – сумма подобных качеств позволяет претендовать на эксплуатацию перемен. История –

реестр промелькнувших возможностей и реализованных вероятностей, летопись конкуренции архетипов и столкновения кодов цивилизации.

Культурный императив – камертон мирового концерта. Наличие или отсутствие контракта с будущим осознается как критический фактор. Нематериальные активы предстают в новом свете; успех соприкасается с трансцендентностью. Новизна, обретая плоть, обладает – по праву рождения, преимуществами, которые нередко осложнены комплексом рисков. Тринитарная устремленность современности (Modernity), отраженная в лозунге: *свобода – равенство – братство*, соотносимого в свою очередь с христианской теологией, трансформировалась в идеологическую триаду *либерализм – национализм – социализм*, породившую затем идео-политическую композицию *глобализм – этатизм – утопизм*.

Нынешняя трансгрессия государственности сопровождается развитием транснационального корпоративного управления масштабными предприятиями, иницируя привлечение частных инициатив, технологий, практиков из области амбициозного предпринимательства в сферу государственных институтов. Усиливая конкуренцию, обостряя «эволюционную гонку вооружений» (Ли ван Вален), используя синергичные методы и симбиотический аутсорсинговый формат, новизна побуждает действовать скорее с позиций культурных обобщений и мотивированных групп – сопряженных социогенетических цепочек, нежели полагаться на скованного регламентами Левиафана.

Исход народов из индустриальной эпохи на пути к холмистому ландшафту новизны сопровождается кризисом протоколов управления, продуцируя разноголосицу и разнообразие элит. Мы наблюдаем универсальную трансформацию мира, девальвацию обезличенных партийных структур, усложнение операций, экспансию нового истеблишмента – слабо-формализованных антропо-социальных структур (АСС). Феномены Дональда Трампа в США, Эмануэля Макрона в Европе, равно как Brexit и прочие симптомы антибюрократического переворота – примеры надпартийных амбициозных проектов и предприятий, синкретичных корпораций, синхронизированных коалиций действия. События в Каталонии, Шотландии, других частях расширяющейся человеческой вселенной – приметы кризиса национальной государственности, социальной и стилистической революции, восстания элит и весны масс, ведущих к преодолению современности и перепроцессу цивилизации.

В других геокультурных ареалах реализуются собственные трансформации и адаптации к изменению мирового порядка, апробируются решения задач, с которыми России уже приходится либо еще придется разбираться, определяется их позитивная и негативная результативность.

Интересна модификация политической структуры КНР: поэтапный переход от тоталитарной политконструкции к социально-ориентированной партократии. Консенсусно-ориентированная система управления испытывает, однако, перегрузки от нарастания внутренних и внешних проблем. Тем вероятнее неизбежность ее реформирования как китайской версии адаптации к персонализму и динамичности новой эры, не ограничиваясь при этом модернизацией инструментов и технологий или даже изменением партитуры игры, но примеряясь к перестройке структуры власти, иницирующей, проектирующей и воплощающей реформы. Проблема – в исчерпании потенциала партнерских отношений с США и экспортной формулы развития. Кроме того развитие за счет американского внутреннего рынка блокируется нынешней

администрацией из-за внушительного торгового дисбаланса, в то время как возникший императив развития собственного внутреннего рынка подрывает бывшие экспортные преимущества. Реформу подобного уровня, однако, можно понимать и проводить по-разному, что предполагает обострение внутренней ситуации.

Так некоторое время назад влиятельной медиагруппой Цхайсинь была опубликована примечательная статья профессора Ван Юнцина «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной», в которой рассматривается главная дилемма нынешней политической ситуации: положение центра тяжести в балансе между «решающей ролью» рынка и «руководящей ролью» государства. В самой же статье содержится примечательный пассаж: «Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня, хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы».

Но, пожалуй, наиболее интересен, значим и поучителен для России-РФ опыт государственного / национального строительства субъектов постсоциалистической и постсоветской суверенизации: Вышеградской группы, других членов бывшего «соцсодружества», балтийских, закавказских, центрально-азиатских наций, чьи маршруты так или иначе были сопряжены с российской траекторией. И особенно государств со схожей в ряде аспектов проблематикой: Беларуси, Украины, Молдовы. Тут внимание привлекают апробирование институциональных моделей, форматы социального взаимодействия, смысловые доминанты, проекты регионального обустройства, осмысление выявляющихся при этом обстоятельств, коллизий и аллюзий, влияя на западный цивилизационный вектор (русько-украинская «дверь в Европу»). Особенно важен процесс становления политической нации – посттравматическая ее реконструкция, фиксирующая восточно-европейскую либо азиатскую («евразийскую») доминанту России.

Восточно-Европейский перекресток

Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?

Николай Гоголь

Редкая птица долетит до середины Днепра.

Николай Гоголь

Доминирующий сегодня формат евроинтеграции – Европейский Союз, претерпевает институциональный и концептуальный кризис, стимулирующий размышления не только о текущих нестроениях континентальной архитектуры, но также об ее истоках, судьбах асимметричных компонентов, сценариях возможной перестройки в иной системе координат.

Политика – отражение культурной ситуации. Европейская цивилизация, продекларировав вселенский универсализм, распространяла влияние, утверждала присутствие, стимулировала трансграничные антропоток, имплантируя в человеческое сообщество свое мировидение, параллельно вбирая культурную энергетику Востока и Юга. Пертурбации последних лет, призраки и признаки мультикультурного переворота сдвинули фокус ее деятельного внимания на события внутри континента, актуализировав *евроскептицизм*, обострив обсуждение конфессиональных различий и региональных идентичностей (включая тему *Европы*

двух скоростей). Ощутима тектоника национальной контрреформации, противящейся тьермонтизации континента. А процессы субсидиарной суверенизации, автономизации, сепаратизма, сопряженные с переговорным процессом и легитимным разводом либо гражданским неповиновением и силовым противостоянием, придают второе дыхание идее *Европы регионов*. Во всех случаях дискутируемый и востребованный ресурс – геокультурный потенциал сообществ, ревальвация этого особого актива, переоценка его обилия либо дефицита, конкурентоспособности, емкости и резистентности.

Основа паневропейского геокультурного концерта, *Европы Эразмуса*, – христианский импульс индивидуации, личностной эскалации, а интеграционной политической идеи – наследие Римской империи в проекциях империи Карла Великого. Периферия средоточия Европы между тем соприкасается и пересекается с иными геокультурными ареалами – провинциями-лимитрофами бывших геополитических гигантов: Российской, Австро-Венгерской и Османской империй. С постимперской реконструкцией связаны и постверсальский генезис государственности Восточной/Юго-Восточной Европы, и близкая к нашим дням постялтинская перестройка. Проблематика данного регионального «столкновения цивилизаций» дополняется и усугубляется общим кризисом архитектоники современности.

Расширение спектра *Европы Европ* пробуждает европейские надежды, тревоги и амбиции, стимулируя ревизию рецептуры трансмутации в совместно обустриваемое будущее. И транс-брюссельское прочтение евротекста. При оценке устойчивости ЕС,

прогнозировании его судьбы и метаморфоз, следует учитывать не только дивергенции *Европы ста флагов*, но также конвергенции локального уровня, т.е. становление региональных и субрегиональных культурно-исторических комплексов, обладающих историческим капиталом. К примеру, новое прочтение австро-венгерского локуса или шире –

возрождение схем Междуморья как суммы конфигураций Центральной, Восточной и, возможно, Южной Европы на пространствах между Балтийским, Черным и Адриатическим морями.

Исторически континентальная диагональ *Intermarium* – амортизатор и балансир держав-гегемонов прошлых столетий. Затем – геополитический хребет, тектоническая плита которого несет груз конфликтов, столкновений и переменчивых коалиций национальных государств, возникавших как после имперской деконструкции начала XX века, так и относительно недавней постсоветской перестройки: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, Украины, Польши, Чехии, Словакии, Австрии, Венгрии, Молдавии, Румынии, Болгарии, Словении, Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии, Косово, Албании.³ Последние десятилетия демонстрировали

³ 6 июля 2017 года в Польше прошел саммит 12-ти стран, относящихся к данному региону. Актуальным приоритетом «Инициативы трех морей» сегодня является формирование энергетического и инфраструктурного единства ареала по оси «Север-Юг», однако стратегические горизонты объединения заметно шире. Перед лидерами государств-участников проекта, выступил президент США Дональд Трамп, заявивший о поддержке «стран Трех морей». По его словам, данное предприятие должно обеспечить его членам «процветание и безопасность».

расширение Европейского Союза, других европейских организмов в значительной мере за счет данной группы. В этом же геополитическом контексте развернулся сегодня острый российско-украинский сюжет.

Европа как культурно-исторический тип (камертон современной цивилизации), и Европа как географическое пространство, очевидным образом разные категории, однако в политической риторике они подчас совмещаются и смешиваются. Россия, прочерчивая синусоидальные изгибы своей драматичной истории, – квинтэссенция этой двойственности, являясь на азиатских просторах фронтиром христианской культуры и в то же время воспринимаясь в Европе как угроза современной цивилизации, ее потенциальный деконструктор.

Для России в ее европейской ипостаси и дирекции ощутимы и критически важны процессы, уже происходящие или только могущие развернуться в Восточной и Центральной Европе, ведущие к прагматичной коррекции либо кардинальному пересмотру организации региона. Причем в прогнозах геополитических композиций, версиях геоэкономических комбинаций проступают контуры исторических опор возникающих коалиций – культурно-цивилизационных разграничений наподобие магдебургско-днепровского разлома.

Так в примыкающем к России сегменте европейской мозаики фокусируется сегодня интеграционная модель, фактически, по лекалам Речи Посполитой: реализованного в свое время восточно-европейского федеративного союза. Исторический опыт «сообщества народов», актуализированный событиями последних лет, становится активом региональной комбинаторики в русле ягеллонской идеи, а также ее предшественников (Великого княжества литовского, русского, жомойтского) и их возможных наследников в XXI веке. При всем том способность создавать будущее определяется не историей взаимоотношений *per se*, но причастностью к общей (локальной, региональной, мировой), хотя не всегда гармоничной динамике развития.

Впечатляющими пассажами футур-истории восточно-европейского трансформера могут оказаться этапы его грядущей рекомбинации: смещение привычных геополитических доминант и координат, реконструкция геоэкономической архитектуры, структур безопасности. Не исключены парадоксальные по нынешним меркам финальные призовые места в новой сборке региона, обусловленные геокультурной гравитацией, геоантропологической динамикой, подспудными историческими сюжетами и цивилизационной инерцией.

Протоформы альтернативной конструкции «Большого восточно-европейского пространства» просматриваются в как схожих очертаниях прежних геополитических союзов, повторяющихся социокультурных притяжениях, так и актуальных геоэкономических конфигурациях: Содружество демократического выбора (Балто-Черноморско-Каспийское содружество), Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), Инициативы трех морей, Организация черноморского экономического сотрудничества, модификации Восточного партнерства и Вышеградской группы (с учетом возрождающейся неоавстро-венгерской идеи), моделирование подвижной модели Европы Карпат, перенастройка юго-восточного (балканского) концерта. И все это при определенном влиянии интеграционного потенциала очередной версии исторического Трансевразийского транспортного маршрута.

Равно как беременны нетривиальными разрешениями белорусско-европейский транзит (с встроенной китайской компонентой), молдавско-румынское сближение и молдавско-приднестровское сопряжение, украинская децентрализация, развитие крымской ситуации, будущее европейских территорий РФ: Центральной России, Северо-Запада, эксклава Калининграда, Южной России, этно и конфессионально обусловленных кластеров Северного Кавказа, Поволжья (с перспективой и вероятностью исламизации будущих проекций российского ареала). В предельных сценариях грядущей исторической реконфигурации – конкурирующих проектах новой сборки, актуализируются также альтернативные версии средоточия православного мира и возможная динамика роли/позиции Киева в грядущем раскладе «русских земель».

«Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, и нельзя дважды застать смертную природу в одном и том же состоянии – быстрота перемен все рассеивает и вновь собирает. Рождение, творенье никогда не прекращаются; солнце не только обновляется каждый день, но вечно и непрерывно иное... На входящего в одну и ту же реку текут новые и новые воды», – таков диагноз земного бытия, сформулированный в знаменитой сентенции Гераклита Эфесского. Готовность к стремительным переменам – доблесть граждан, а компетентное управление в изменчивых обстоятельствах – мастерство политиков, их умение влиять на сюжеты человеческой трагикомедии. Успех или поражение в борьбе за будущее, определяется качеством прилагаемых усилий, способностью верно просчитывать последствия, создавая развивающиеся ситуации и результирующие события.

Аннотация. Мир переживает кризис перехода, который на данном этапе стимулируется двумя факторами – следствиями *tour de force* цивилизации: реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, а во-вторых, – революцией элит как класса и как личностей. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов. Национальное государство утрачивает былую исключительность, в интернациональном космосе состязаются также иные форматы политической организации: геоэкономические интегрии, влиятельные антропо-социальные сообщества – власть вне государственности, обновляющие систему мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти. Генеральный тренд исторического процесса – движение от индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту сложного креативного общества. Подобно ряду постсоветских и постколониальных сообществ Россия оказалась в полосе отчуждения от вызовов времени, Китаю также приходится размышлять о преобразовании управления страной, о стратегии обновления и обустройстве власти в динамичной реальности.

Ключевые слова: будущее; цивилизация; прогнозирование; элита; кризис перехода; трансформация; геокультура; Россия; Европа; Восточная Европа.

Key words: future; civilization; elite; rite of passage; preadaptation; transformation; geo-culture; Russia; Europe; East Europe.

Для цитирования: Неклесса А.И. 2017. Кризис будущего. – ИНТЕЛПРОС. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Специальный выпуск проекта «Созидание будущего». – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации – С. 3-16.

Key words: future; civilization; elite; rite of passage; preadaptation; transformation; geo-culture; Russia; Europe; East Europe.

For citation: Alexander Neklessa. 2017. The Crises of Future. – INTELROS. Bulletin of the Commission for Social & Cultural Problems of Globalization under Presidium of the Russian Academy of Sciences. Special Issue for “The Creation of Future” Project. – Moscow: INTELROS–Intellectual Russia. – P. 3-16 (In Russ.).

XXV Economic Forum

Krynica Zdrój, Poland, 8-10 September 2015

Special Event. Collaborate Centrum Studiów Geopolitycznych:

Hybrid war – Facets and Dimensions of Armed Conflicts in the 21st Century

Sala Plenarna. 9 September 2015. Alexander Neklessa. Order and Destruction.

ПОРЯДОК И ДЕСТРУКЦИЯ 10 ТЕЗИСОВ О ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

1. Мир обретает новый статус. Сложный мир реализует новые социоконструкты.

Опыт цивилизации – социокультурный, экономический, военно-политический связан с прошлыми эпохами. Глобальная трансформация предполагает смену сложившихся норм, типа рефлексии, обновление прописей познания-действия.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, в основе феномена – глобальная трансформация институтов индустриального мира при транзите к постиндустриальному, постсовременному статусу, определяющее качество которого сложный, комплексный, гибридный характер.

Агрессивные действия могут реализовываться не только в физическом измерении, но и в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью кибератак, радиоэлектронных манипуляций, экономического шантажа, психологического инструментария. Синтез военных и гражданских практик рискует утвердиться в качестве социополитической реальности и культурной нормы.

2. Прелюдия сюжета – реализация в XX веке трех исторических проектов: универсальный nation-building, глобальный свободный рынок, делигитимация войн в системе МО.

В XX веке североатлантическая цивилизация попыталась реализовать три проекта, менявших сложившийся миропорядок: (1) универсализация системы национальных государств; (2) формирование глобального свободного рынка; (3) делигитимация войн в системе международных отношений.

Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мироустройства, а их реализация мыслилась апофеозом и концом разделенной истории.

3. Комплексный мир vs. индустриальный. Ядерный фактор в системе глобальной безопасности.

Государства и в Средневековье, и в эпоху Модернити вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной

деятельности, однако со временем война становится тотальным действием и индустриальным предприятием.

Рифом на пути реализации системы глобальной безопасности – но вместе с тем инновационным стимулом – стал ядерный фактор. Ядерный stumble block стимулировал поиск нестандартных решений в сфере безопасности при эскалации и разрешении возникавших конфликтов, породив, в частности, феномен Холодной войны.

Этот тип силового противостояния носит смешанный и диверсифицированный характер. Он включает локальные, ползучие, гибридные формы агрессивных и боевых действий, использующих прямые и косвенные средства господства, реализовав на планете распределенное множество локальных («африканских») войн и ползучих конфликтов. Развивались технологии деструктивных операций и активных мероприятий при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны биполярного мира («мирное сосуществование»).

Кроме того, отлаживалось методы манипулирования общественным мнением, информационных атак, диффамационных схем, коррупционных акций («идеологическая борьба»).

4. Усложнение пространства военных операций.

Трансформация военных действий после II мировой войны: Корейская война, включившая необъявленное столкновение СССР («воздушная война») – США («полицейская операция»); Вьетнам (участие северовьетнамских войск, психологический эффект «наступления Тет»); Ближний Восток (терроризм, интифада); Африка (прокси-войны); региональные конфликты; Украина (Крым-Донбасс); Сирия (комплексное противостояние), Исламское государство.

Исламское государство – это распределенное множество территорий, эклектичные союзы pro et contra, переселение миллионов, «невидимые бригады», предчувствие ситуации, чреватой культур-шоком: деструкцией объектов культурного наследия и цивилизационной памяти (ср. Пальмира как прообраз аналогичных действий в Европе), т.е. стратегия сокрушение духа – деструкция национальных, культурных, религиозных символов современной цивилизации.

Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими деструктивно-агрессивными операциями, актуализация военно-гражданских средств подавления и господства.

5. Гибридные войны – элемент комплексной трансформации категории безопасности. Войны без формализации статуса.

Гибридная война – элемент общей трансформации категории безопасности, включая перепрочтение, диверсификацию института войны и коррекцию военных действий эпохи индустриализма как процесса массовой технологической деструкции. Комплексная природа гибридной войны: неформальная, синтетическая, ползучая, распределенная, дискретная, диффузная.

Существует ряд дефиниций феномена, разные авторитеты определяют новый способ проведения военных акций по-своему. Вот мнение Валерия Герасимова,

начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам».

В сухом остатке гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности и составу силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкупе с разнообразными инструментами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника. Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей используется координация прямых и косвенных мер, включая военные, однако используемые преимущественно косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и режима глобальной безопасности. Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным и многочисленным контрагентам на аутсорсинг.

6. Договорные и тотальные войны: позднефеодальные, эпохи Просвещения, «варварские» (колониальные/постколониальные), идеологически-мотивированные («тотальные»).

Еще одна черта постсовременных/гибридных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн в позднефеодальной Европе, сопровождавшихся интенсивной дипломатической, переговорной, закулисной активностью между сторонами. Война не доводится до, казалось бы, логического конца, «зависает» на продолжительные периоды, не завершается явной победой, капитуляцией и порой способна развоплотиться без четкой фиксации итогов.

Тотальный же характер и моральная уязвимость силовых акций, выходящих за рамки собственно боевых, проявлялись в ходе религиозно или идеологически мотивированных вооруженных конфликтов.

7. Два типа гибридных операций: доминантно-боевые и доминантно-гражданские.

Гибридная война – амортизатор применения регулярных вооруженных сил и боевых средств в полном объеме. Но реализация данного тезиса асимметрична: многое зависит от достигнутого государством уровня сложности, технической и когнитивной мускулатуры.

Иначе говоря, у каждой страты своя формула и навигация гибридной войны: ценности и возможности более высокого регистра находятся вне компетенции другого. Собственно говоря, мы имеем несколько толкований феномена: страны различным образом реализуют идею синтетической войны.

- Гибридная война распыляет и сдерживает силы противника, зажатого низким уровнем экономического и технологического развития, узостью интеллектуального кругозора, рамками доступного контекста, внешних и внутренних рестрикций, затрудняет свободу действия, снижая эффект от применения собственно военных сил и средств.
- Наличие же сложноорганизованных конвенциональных средств – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому организму, позволяет

достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или даже прямая угроза их применения.

Господство реализует себя в управлении общей контроль над ситуацией, экономическое и культурное доминирование замещают оккупацию территорий.

8. Новый статус гражданских лиц и невоенных организаций.

Массированное участие гражданских лиц и невоенных организаций в новом типе военных действий создает сложные ситуации. Seriously изменился статус средств информации, в целом, и военных корреспондентов, в частности. Коррективы включают определение статуса и круга участников-комбатантов, новое деление комбатантов на привилегированных и непривилегированных. К последним начинают относить военных корреспондентов, дистанционных операторов, расположенных на территориях других стран, руководителей операций двойного назначения, etc.

9. Пропорция интеллекта.

Усложнение пространства военных операций, координация разнообразных сил и средств, нетрадиционный инструментарий – все это указывает на императив интеллекта при проведении комплексных силовых акций в новом веке.

Растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации, мобилизации, адаптации к меняющимся условиям, управлению графиком событий, подвижному консенсусу, наличию и демонстрации моральной силы.

Это, а также использование высокотехнологичных радиоэлектронных, кибернетических, информационно-психологических систем, венчурный поиск способов агрессии, выходящих за рамки конвенциональной политики.

Постсовременные конфликты имеют непростую природу: противник может не объявлять прямо о военных намерениях, интегрируя в комбинациях не только широкий спектр паравоенных средств, но и несовпадающие цели различных субъектов прямого и косвенного действия.

10. Новая методология анализа и управления.

Гибридные операции разворачиваются как параллельно с использованием конвенциональных средств, так и независимо от их применения, автономным и подчас анонимным образом. По мере усложнения ситуаций меняется методология управления конфликтом, формулируются инновационные методы действия: матричный, рефлексивный, точечный, аттрактивный (рефлекторный мультипликатор), синергичный (неклассический оператор).

Системы становятся многофакторными, многоаспектными управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом, точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры.

Ключевые слова: гибридная война, трансформация, национальная безопасность, вооруженные силы, стратегия, интеллектуальные корпорации, преадаптация.

Key words: hybrid war, transformation, national security, armed forces, strategy, art of war, think tanks, preadaptation.

XXV ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
8-10 СЕНТЯБРЯ 2015, КРЫНИЦА-ЗДРУЙ (ПОЛЬША)

**Специальное мероприятие. Партнер: Centrum Studiów Geopolitycznych
Pijalnia - Sala Plenarna. 9 сентября, 13:10**

**Тема: Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке /
Special Event: Hybrid war – Facets and Dimensions of Armed Conflicts in the 21st Century.**

Определение термина «гибридная война» можно отнести даже к Троянской войне, Современные разновидности данного типа войны применяются в Донбассе. Реестры элементов стратегии и тактики, используемых из арсеналов конвенциональных, партизанских, кибернетических, информационных войн, а также из других арсеналов – обширны. В будущем международные правовые нормы должны содержать четкие определения, которые не позволят агрессору в такой войне избежать ответственности.

- Война в реальных пространствах: традиционная, экономическая, гражданская, партизанская терроризм.
Модератор: Станислав Козей (преподаватель - Академия национальной обороны - Польша)
- Война в области познания, эмоций и мотивации, взаимодействия и общения между людьми.
Модератор: Мариюс Велицка (заместитель министра - Министерство национальной обороны - Литва)
- Механизмы формирования послевоенного международного порядка. Закон и справедливость и ответственность агрессора.
Модератор: Грета Моника Тучкуте (директор - Центр геополитических исследований - Литва)

Спикеры:

- Николя Байс (вице-председатель, Комиссия Национальной безопасности и вооруженных сил - Национальное собрание – Франция)
- Сергио Германи (директор - Istituto Gino Germani - Италия)
- Ройбен Джонсон (корреспондент - The Weekly Standard - США)
- Андрей Ермолаев (директор – Институт стратегических исследований - Украина)
- Дариуш Козеравски (ректор - Академия национальной обороны - Польша)
- Яцек Котас (заместитель председателя - Институт восточноевропейских исследований - Польша)
- Павел Лисицкий (главный редактор - Еженедельник Do Rzeczy - Польша)
- Евген Магда (исполнительный директор - Центр социальных отношений - Украина)
- Михал Млинар (председатель руководящего совета ISSAT - Женевский Центр демократического контроля над Вооружёнными силами - Словакия)
- Александр Неклесса (директор - Лаборатория Север-Юг, ИАФР РАН - Россия)
- Филип Петерсен (вице-президент по науке - Фонд «Потомак» - США)
- Микола Сунгуровский (директор военных программ - Центр экономических и политических исследований им. Разумкова - Украина).

ПУБЛИКАЦИИ ПРОЕКТА (РАБОТЫ А.И. НЕКЛЕССЫ 2016/17 гг.)

I. Бюллетени Комиссии по социокультурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

- Гибридный мир и сирийская комбинаторика. XXI столетие может стать временем перманентной войны // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №1 (76) январь-февраль. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Цивилизационные альтернативы // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №2 (77) март-апрель. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Война в сложном мире. Деструкция и порядок // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2016.
- Нервы мира. Приближение к неизвестному расширяет спектр представлений о будущем // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №4 (79) июль-август. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2016.
- Созидание будущего. Доклад председателя Комиссии // Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. ИНТЕЛПРОС. Вып. №5 (80) сентябрь-октябрь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2016.
- Государство-организация (soft-state). // Бюллетень Комиссии по социокультурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Специальный выпуск (Вып. №6/81) // М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2016.
- Кризис истории: трансформация мироустройства, российский транзит, восточно-европейская реконструкция // Специальный выпуск-приложение к «Примаковским чтениям» Комиссии по социокультурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН // М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. 2017.

II. Публикации в других изданиях

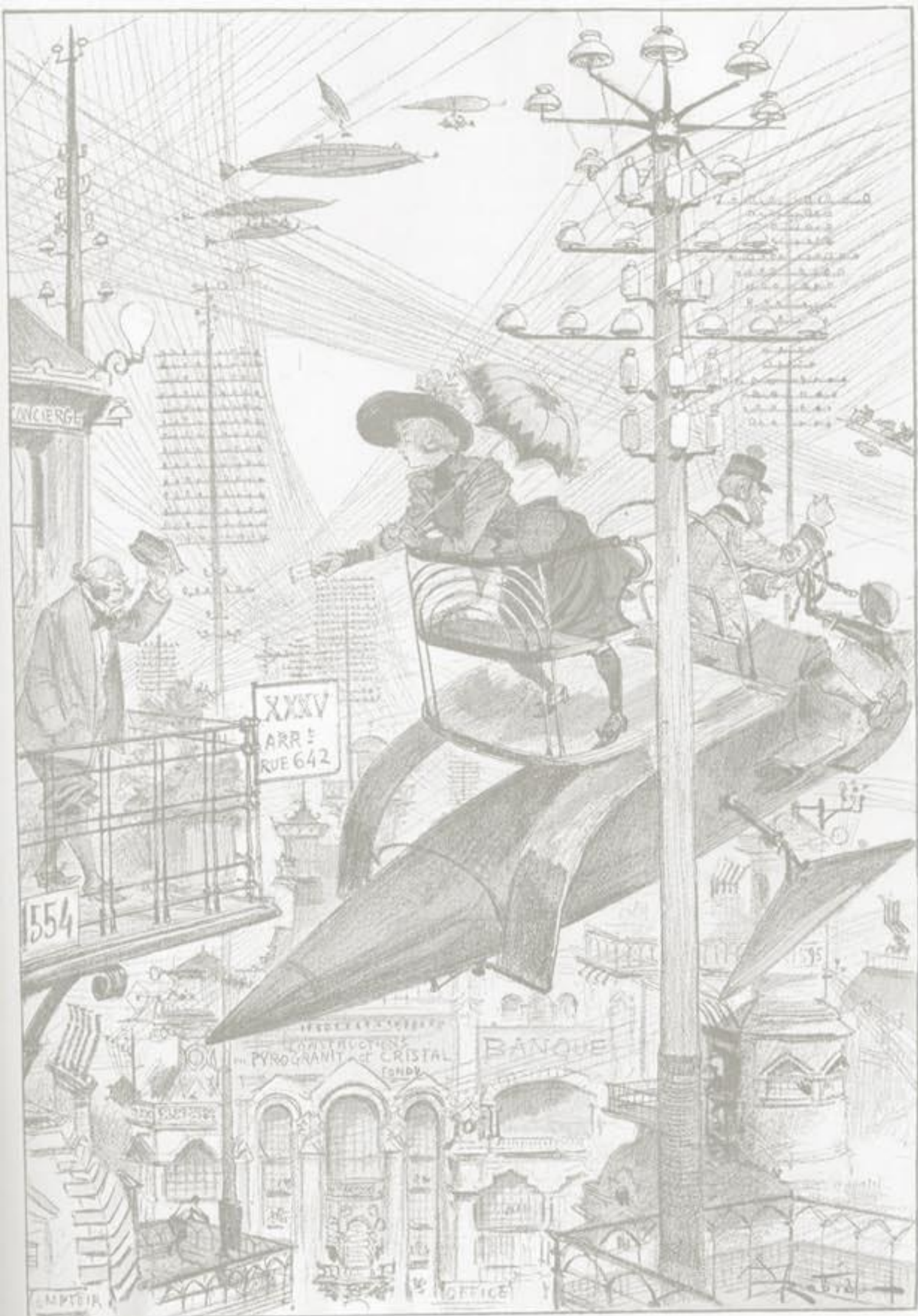
- Человек и политика // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект Пресс, 2016. – (Серия «Российская политическая наука. Истоки и перспективы»).
- Цивилизационные альтернативы Постсовременности // Цивилизационные альтернативы Африки т. I, ч. I / Под ред. И.В. Следзевского. – М.: Институт Африки РАН, 2016.
- Битва за будущее: социальная вселенная переживает транзит в нестационарное состояние // Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общ. ред. А.М. Васильева, отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. – М.: ЛЕНАНД. 2016.

- Будущее, которое мы выбираем: кризис перехода, новые элиты, восточноевропейская реконструкция. – Focus. 2017, №2.
- Российские горизонты. – Метафизика. Научный журнал. 2017. №2 (24).
- Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке. – Информационные войны. 2017. №1 (41).
- Созидание будущего. – Стратегия России. 2016. №12.
- Война в сложном мире. Деструкция и порядок. – Стратегия России. 2016. №10.
- Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №8.
- Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. 2016. №7.
- Смысл слов: государство, безопасность, война и вооруженные силы. – Стратегия России. 2016. №6.
- Нервы мира. Пространства комплексных операций. – Росконгресс. Специальное издание XX юбилейного Петербургского международного экономического форума. 2016, июнь.
- Война и постсовременность. – Экономические стратегии. 2016, №5.
- Война и постсовременность: пространство комплексных операций (ИГИЛ-сирийская комбинаторика). – Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016, №4.
- Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика. – Полис. Политические исследования. 2016. №3.
- Война в сложном мире. Деструкция и порядок. – Конструирование будущего. 2016, № 2.
- Культиваторы будущего. – Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т.10, №2.
- Знание и наука. – Метафизика. Научный журнал. 2016, №2 (20).
- Русская идентичность. Дорога жизни (интервью). – Стратегия России. 2016. №1.
- Глобальный кризис. Российская культура. Наше время – Россия. Наследие. 2016. №1.
- Франчайзинг будущего. – Buubrand Inform. 2016 (ежегодное издание).
- Будущее становится важнее прошлого (интервью) // Новые Известия. 12.08.2017.
- Будущее как возможность. Для сегодняшней Европы типичны кризис перехода и формирующиеся новые элиты // Независимая газета. Идеи и люди. 18.05.2017.
- Россия как незавершенный проект. Стране необходима реконструкция. Можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать решения// Независимая газета. Идеи и люди. 29.03.2017.
- Созидание будущего. Сложный человек в сложном мире: интенсификация новизны. // Независимая газета. Идеи и люди. 18.10.2016.
- Будущее как усилие. Сегодня главная проблема развития России – нематериальные активы, особенно человеческие и культурные // Независимая газета. Идеи и люди. 05.10.2016.
- Вселенная горизонтов. Приближение к неизвестному расширяет спектр представлений о будущем. // Независимая газета. Идеи и люди. 22.06.2016.
- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Независимая газета. Идеи и люди. 16.03.2016.

ПРОЕКТНЫЕ СЕМИНАРЫ «НЕКСУС» (ИНТЕЛПРОС)

- **СЛОЖНОСТЬ.** Сложный человек в сложном мире - *январь*.
- **СИНГУЛЯРНОСТЬ.** Инакость. Rite of Passage - *февраль*.
- **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.** Общество программ. Нейросети. AGI - *март*.
- **ТРАНСФИНИТНАЯ ЭКОНОМИКА** (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование, неотчуждаемые активы, франчайзинг будущего) - *апрель*.
- **СУММА ЗНАНИЙ.** Тетраматрица знания, новые образы знания (органистическое, неотчуждаемое, нерациональное, личное) - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ФОРМЫ СОЗНАНИЯ.** Разнообразие видов интеллекта, эволюция сознания, человеческие качества - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА.** Эволюция сознания, Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое, химическое и генетическое модулирование - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ПРОГНОЗИРОВАНИЕ** и его актуальные формы (форсайт, букмекер-прогнозирование, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, эмерджентное как «возникающее свойство») - *май - июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ / ПАЙДЕЙЯ (ЛИК):** форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) - *сентябрь*.
- **МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ-ДЕЙСТВИЯ-УПРАВЛЕНИЯ** с акцентом на методы косвенного управления; матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное, SOC, синергичное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным); эволюционные стратегии и ко-эволюционный конфликт - *октябрь*.
- **МИР КАК СУММА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.** Soft state, liquid state, post-state, геоэкономический атлас, мир корпораций, антропо-социальные структуры (видовое разнообразие, смена социоценоза) - *ноябрь*.
- **ПОСТСОВРЕМЕННАЯ / ГИБРИДНАЯ ВОЙНА** в понимании: иррегулярная, распределенная, договорная, холодная, комплексная, сложная, синкретичная, универсальная, десекулярная, персональная, метафизическая. Агрессия, защита,

И 989. Бюллетень выпускается в формате журнала «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» (совместное издание). Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77-18303. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,65. 22.08.2017.

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательно-медийного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Лаборатории «Север-Юг» ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им.

М.В. Ломоносова и Русского исторического общества. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «СΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдеия (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.